

«Диалектика души» в творчестве Ю. В. Бондарева

Е. О. ШАЦКИЙ

(МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. А. ШОЛОХОВА)

Раскрывается значение «диалектики души» в произведениях Ю. В. Бондарева, ее роль в воспроизведении эстетического отношения писателя к миру. Обосновывается преемственность изображения Ю. В. Бондаревым внутреннего мира человека с толстовской традицией. «Диалектика души» в произведениях Ю. В. Бондарева неразрывна с решением проблемы нравственного выбора между долгом и самосохранением, чувством ответственности и эгоизмом. Жизнь подготавливает героя к выбору, но в выборе он свободен. Последний шаг человека к добру или злу определяется чувством долга, ответственности перед другими людьми. Если человек помнит о своем долге, своей общности с другими людьми, то он делает шаг к добру. Если герой делает выбор ради эгоцентрического «я», отрывается от людей, то на пути к добру ему может не хватить самого последнего шага. Долг — поступок, совершаемый согласно нравственному закону, — не противоположен свободе, напротив, являет свободу в высшем смысле, когда человек преодолевает себя, возвышается над самим собой. С особенной ясностью раскрывает характер, нравственную сущность героя выбор, сделанный в ситуации на грани жизни и смерти. Во имя долга человек обязан преодолеть свою естественную тягу к жизни, человек должен чувствовать ответственность не только за себя, но и за других, и тогда он станет сильнее страха, сильнее смерти. Проводя читателя через переживаемые героем сомнения, колебания, писатель доказывает свободу нравственного выбора человека.

Ключевые слова: диалектика души, Ю. В. Бондарев, психологизм в художественной литературе.

С древнейших времен эстетическая мысль утверждает нравственную проблематику в искусстве. Для подлинного искусства неразрывны категории прекрасного и нравственного, добро притягательно, а зло отталкивающе. Душа человека сложна, в ней переплетаются добрые и злые импульсы, преобладающие в разные моменты в зависимости как от внешних обстоятельств, так и от особенностей индивидуального характера, формирующегося на протяжении всей жизни человека.

Сложное соотношение в человеческом поведении внутренней свободы, воздействия среды, воспитания, индивидуальных психологических особенностей всегда интересовало искусство. Но изображение внутреннего выбора во всей его сложности и противоречивости, в динамике, во взаимодействии с внешними впечатлениями и об-

стоятельствами стало возможным не сразу. «Диалектика души» как путь изображения характера впервые была выделена Н. Г. Чернышевским в 1856 г. Он писал: «...чувство, непосредственно возникающее из данного положения или впечатления, подчиняясь влиянию воспоминаний и силе сочетаний, представляемых воображением, переходит в другие чувства, снова возвращается к прежней исходной точке и опять и опять странствует, изменяясь, по всей цепи воспоминаний; как мысль, рожденная первым ощущением, ведет к другим мыслям, увлекается дальше и дальше, сливает грезы с действительными ощущениями, мечты о будущем с рефлексией о настоящем» (Чернышевский, 1981: 34).

Предмет искусства — человек и человеческая жизнь. Следовательно, диалектика души литературного героя воссоздает реальную диалектику — органическое единство противоположностей — в человеческой жизни. Вопрос следует поставить так: какое противоречие в жизни человека раскрывает именно диалектика души? Литературная критика рассматривает указанную проблему в контексте соотношения в человеке субъективного и объективного, личностного и общественного, внутреннего и внешнего. Художественной функцией диалектики души, по мнению разных литературоведов (Громов, 1971: 180; Курляндская, 1988: 91; Храпченко, 1965: 368), оказывается изображение внутренней и внешней жизни человека во взаимосвязанном, органическом единстве и развитии, в гармонии.

Г. Б. Курляндская отмечала, что метод «диалектики души» связан с мировоззрением Л. Н. Толстого, с пониманием человека как единства «духовного и плотского», «нравственного и естественного» (Курляндская, 1988: 35–58). Изображая сиюминутные свободные душевные движения и решения героев, Толстой, по Г. Б. Курляндской, доказывал трансцендентную свободу воли человека в каждое конкретное мгновение и в то же время детерминированность, закономерность внутреннего психического процесса во времени. В диалектике души встречаются мотивы, идущие от внутреннего нравственно-психологического опыта героя-персонажа, и причинно-следственные связи действительности. С помощью диалектики души передана идейно-эстетическая позиция Л. Н. Толстого: внутренне и внешне обусловленное поведение персонажей сочетается с признанием за ними свободной воли.

Одним из наиболее значительных современных нам продолжателей толстовской традиции является Юрий Владимирович Бондарев. Обращение к толстовскому наследию было закономерно для писателя, исследующего глубины человеческой психологии, сложность внутреннего мира человека и его взаимодействия с внешним миром, мотивации человеческих поступков и развития человеческой личности, когда, познавая мир, человек познает самого себя.

Цель нашего исследования — раскрыть значение «диалектики души» в произведениях Ю. В. Бондарева, ее роль в процессе воспроизведения эстетического отношения писателя к миру. Прежде всего обратимся к литературно-критическим статьям самого писателя. Ю. В. Бондарев не употребляет термин «диалектика души», но использует близкие ему понятия: «анализ человеческой души в ее противоречиях», «диалектика... характера человека», «диалектика разума и чувств, неизбежная в развитии каждого переоценка ценностей», «через диалектику... исследовать душу» (Бондарев, 1986: 12, 203, 370). Рассмотрим, что подразумевает под ними художник слова.

Ю. В. Бондарев подчеркивает сложность души человека, в которой действуют противоположные, противоречащие стремления. Особую трудность для художника представляет необходимость удержать «персонаж от скольжения в неопределен-

ность» (там же: 164). Определенность изображаемого характера важна для Ю. В. Бондарева, подчеркивающего, что истоки отношения человека к миру закладываются еще первыми жизненными впечатлениями в детстве, а позже лишь шлифуются (там же: 220, 368). Но живой человеческий характер сам создает ситуацию нравственного противоречия, поскольку несет в глубине своей столкновение, внутренний конфликт персонажа, неудовлетворение самим собой (там же: 129, 159).

Писатель вспоминает, что он не сразу пришел к диалектическому способу раскрытия характера. В начале творческого пути резкие переходы от одного душевного состояния человека к другому казались ему нарушающими правду поступков. Только с опытом осознает он «железную логику» этих переходов, «синусоидность» душевной жизни человека (там же: 116, 203). Вся жизнь человек стоит перед вечной проблемой выбора, говоря о которой Ю. В. Бондарев прямо подчеркивает соприкосновение с толстовской традицией (там же: 150).

Проблема внутреннего выбора вынесена в центр романа «Выбор». Один из героев романа говорит: «Вся жизнь — бесконечный выбор. Каждый день — от выбора утром каши и галстука до выбора целого вечера, — с какой женщиной встретиться, куда пойти, каким образом убить проклятое время. Все совершается после выбора: любовь, война, убийство. В последние годы я часто думаю, что управляет нашим выбором при жизни?» (Бондарев, 1986: 192). Ответ самого автора на заданный вопрос, как нам представляется, звучит в одной из его литературоведческих статей: «Порой человеку не хватает только одного шага, чтобы совершить акт мужества и справедливости. Этот последний шаг иногда подготовлен всей его жизнью. Но может быть и так, что в силу многих причин жизнь не подготовила его к деланию добра и воля скована. Мгновение осознанного решительного шага и последнее движение от темноты к свету, от отрицания к утверждению и наоборот — это и есть сущность анализа человеческой души в ее противоречиях, характер же всегда выражается в поступке» (Бондарев, 1986а: 12).

Жизнь подготавливает героя к выбору, но в выборе он свободен. Последний шаг человека к добру или злу определяется чувством долга, ответственности перед другими людьми. Если человек помнит о своем долге, своей общности с другими людьми, то он делает шаг к добру. Если герой делает выбор ради эгоцентрического «я», отрывается от людей, то на пути к добру ему может не хватить самого последнего шага. Долг — поступок, совершаемый согласно нравственному закону, — не противоположен свободе, напротив, являет свободу в высшем смысле, когда человек преодолевает себя, возвышается над самим собой.

Наконец, с особенной ясностью раскрывает характер, нравственную сущность героя выбор, сделанный в момент «предельного обострения психологической коллизии, что несет в себе взрыв чувства, нравственное решение на краю смерти или в момент гибели героя» (там же: 159). «Мужество в минуту “быть или не быть?” — это по-своему понятый миг категорического императива: передо мной вечность, то есть, не исключена возможность сиюсекундной гибели, позади меня — мать, дети, Родина, ее правда и правда человечества. Этот миг — наивысшая точка нравственности, осознанной справедливости — не только критерий солдатского поступка в условиях войны, но критерий любого характера наших дней. Каждый проходит в определенный срок по острейшей грани “быть или не быть?”, по грани испытательной альтернативы, определяющей самоутверждение личности» (там же: 131–132). Изображая выбор человека в ситуации на грани жизни и смерти, Ю. В. Бондарев также опирался на толстовскую традицию. Он пишет: «Толстого занимало не само физическое исчезновение, разрушение, а та по-

граничная ситуация, при которой совершался переход в новое состояние. В этот трагический момент перехода он хотел знать меру духовного в человеке» (там же: 239).

Рассмотрим изображение диалектики души в повести Ю. В. Бондарева «Батальоны просят огня». Герой, меняя с орудием огневую позицию, оказывается под бомбежкой. Молодой офицер терзается движением противоречивых мыслей, побуждений, мотиваций. Под непосредственной угрозой смерти в нем просыпается естественный инстинкт самосохранения: «не хочу умирать». Долг офицера, чувство ответственности требуют от него подняться, все время возвращают мысль о необходимости замаскировать орудие, но мысль о том, что надо встать под летящие с неба бомбы, — страшит. Отсюда возникает воображаемый диалог с дежурным в училище, на которого герой спроецировал свое чувство долга:

«А было ли все это? А может быть, ничего и не было? Может быть, он вовсе и не на фронте, а спит на своей койке в училище? И через минуту горнист заиграет подъем? А утром так не хочется вставать... “Еще бы немного, еще!”

Но в казарме уже слышится та особая предподъемная беготня дневальных, быстрые, в полный голос приказания дежурного по батарее, и, наконец, вот она — знакомая, подымающая на ноги команда: «Подъе-ем!»

Вчера он очень устал. Он смертельно устал. Он вчера целый день откидывал снег от орудий после январской метели. Один откидывал. А снег был крупчатый, пронзительно-солнечный, он вонзался в глаза синими режущими иглами. И сейчас веки невозможно разомкнуть.

“Послушай, пожалуйста, — с закрытыми глазами говорит он дежурному. — Ты учти, будь добр. Я вчера работал, я на зарядку не пойду по приказанию командира батареи”.

А кто командир батареи? Ах, да, он вспомнил: капитан... Гречик?..

“По приказанию капитана... — говорит он дежурному умоляющим голосом. — Честное слово!”

“Подъем! — кричит дежурный, как глухой. — Подымайсь! Орудие маскировать! Быстро!”

“По приказанию капитана Гречика!” — кричит Прошин.

“Ничего не знаю! Подъем! А кто такой Гречик?”

Действительно, кто такой Гречик? Да и зачем это знать? Какое ему дело! Зачем ему знать? Он знает, что говорил дежурный... Он говорил: ты трус, Прошин. И хотелось ему тогда плакать от обиды, от стыда, от бессилия» (Бондарев, 1984а: 124–125).

Такова диалектика Ю. В. Бондарева: во имя долга человек обязан преодолеть свою естественную тягу к жизни, человек должен чувствовать ответственность не только за себя, но и за других, и тогда он станет сильнее страха, сильнее смерти.

В аналогичной ситуации во время бомбардировки оказывается лейтенант Константинов в романе «Горячий снег».

«Сейчас это кончится, — внушал себе Кузнецов, ощущая хруст земли на зубах, закрыв глаза: так, ему казалось, быстрее пройдет время. — Еще несколько минут... Но орудия... как же орудия? Они приведены к бою... Осколками разобьет прицелы?..”

Он знал, что нужно немедленно подняться, посмотреть на орудия, что-то сделать сейчас, но отяжелевшее тело было вжато, втиснуто в окоп, болело в груди, в ушах, а пикирующий вой, горячие удары воздуха со свистом осколков все сильнее придавливали его к зыбкому дну ровика. С той же бьющейся в голове мыслью, что нужно что-то сделать, он открыл глаза и увидел на откосе бруствера бритвенно срезанный осколком край земли.

— Панорамы, Уханов! Слышишь, прицелы! — крикнул Кузнецов и мгновенно подумал, что хотел и мог приказать Уханову — имел на это право — снять панорамы, то есть властью командира взвода заставить выскочить его сейчас под бомбежкой к орудиям из спасительной земли, сам оставаясь в ровике, но не смог этого приказать.

“Я имею и не имею права, — мелькнуло в голове Кузнецова. — Потом никогда не прощу себе...”

“Я не имею права так! Это отвратительное бессилие... Надо снять панорамы! Почему я боюсь умереть? Я боюсь осколка в голову?.. Где Дроздовский?.. Уханов знает, что я готов приказать... Черт с ними, с прицелами! У меня не хватает сил выскочить из ровика... Готов приказать, а сам сидеть здесь. Если выскочу из ровика, ничто не будет защищать. И — раскаленный осколок в висок?.. Что это, бред?”

— Как только они отбомбят по кругу, выскочим к орудиям. Ты — к первому, я — ко второму! Снимем прицелы!..» (Бондарев, 1984b: 302–304).

Столкновение инстинкта самосохранения и долга осложняется здесь ответственностью командира за своих людей. Поддаться страху перед смертью на войне — значит подставить вместо себя другого. Этого Константинов не простит самому себе. В правдивом романе Ю. В. Бондарева изображение диалектики души выполняет нравственную задачу, показывает героя в ситуации внутреннего выбора, проводит читателя через все переживаемые героем сомнения, колебания. И закономерный процесс доказывает свободу нравственного выбора. Да, и в честном, отважном человеке есть место страху, бессилию, мысли о постыдном поступке («готов приказать, а сам сидеть здесь»). Переживая вместе с литературным героем движение искренних чувств, мыслей, читатель не без удовольствия понимает выбор героя. Воспринимает нравственно-эстетическую концепцию автора. «Диалектика души» выступает средством отображения, объяснения и оценки нравственного выбора героя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарев, Ю. В. (1984а) Собр. соч. : в 6 т. М. : Художественная литература. Т. 1: Батальоны просят огня ; Юность командиров : повести. 455 с.
- Бондарев, Ю. В. (1984б) Собр. соч. : в 6 т. М. : Художественная литература. Т. 2: Последние залпы : повесть ; Горячий снег : роман. 527 с.
- Бондарев, Ю. В. (1986) Собр. соч. : в 6 т. М. : Художественная литература. Т. 6: Поиск истины : статьи, диалоги о литературе, литературные портреты. 415 с.
- Громов, П. П. (1971) О стиле Льва Толстого: Становление диалектики души. Л. : Художественная литература. 390 с.
- Курляндская, Г. Б. (1988) Нравственный идеал героев Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. М. : Просвещение. 256 с.
- Храпченко, М. Б. (1965) Лев Толстой как художник. 2-е изд. М. : Советский писатель. 508 с.
- Чернышевский, Н. Г. (1981) Литературная критика : в 2 т. М. : Художественная литература. Т. 2: Статьи и рецензии 1856–1862 годов. 367 с.

Дата поступления: 13.02.2014.

«DIALECTICS OF SOUL» IN YU. V. BONDAREV'S CREATIVITY

E. O. SHATSKIY

(SHOLOKHOV MOSCOW STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article discovers the definition of the “dialectics of the soul” in Yu. V. Bondarev’s works, its role in the representation of the writer’s aesthetic attitude to the world. The author substantiates the continuity of Yu. V. Bondarev’s description of the inner world of the person with Tolstoy’s tradition.

The “dialectics of the soul” in Yu. V. Bondarev’s works is inseparable from a solution of the problem of moral choice between the duty and self-protection, the sense of responsibility and egoism. Life prepares the hero for a choice, but he/she is free in his/her choice. The last step of the person to good or evil is determined by the call of duty, personal responsibility for other people. If the person keeps in mind his/her duty and communion with other people then he/she takes a step to good. If the character makes a choice for the sake of egocentric “I” and breaks with people then he/she may come short of the last step on his/her way to good. The duty (an act committed according to a moral law) is not opposite to freedom; on the contrary, it eminently appears to be freedom when the human being overcomes and rises above him/herself. A choice made in a situation on the brink of life and death reveals the nature and moral essence of the character. For the sake of duty, the person is obliged to overcome his/her natural anxiety for life. The human being must feel the responsibility not only for him/herself, but also for others, and then he/she will become stronger than fear and death. Leading the reader through the character’s doubts and hesitations the writer proves the freedom of moral choice made by the person.

Keywords: dialectics of the soul, Yuri V. Bondarev, psychologism in fiction.

REFERENCES

Bondarev, Yu. V. (1984a) *Sobranie sochinenii* [Collected Works] : in 6 vols. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ. Vol. 1: *Batal’ony prosiat ognia ; Iunos’ komandirov : povesti* [Battalions Ask for Fire ; The Youth of Commandants : short novels]. 455 p. (In Russ.).

Bondarev, Yu. V. (1984b) *Sobranie sochinenii* [Collected Works] : in 6 vols. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ. Vol. 2: *Poslednie zalpy : povest’ ; Goriachii sneg : roman* [The Last Salvos : short novel ; Hot Snow : novel]. 527 p. (In Russ.).

Bondarev, Yu. V. (1986) *Sobranie sochinenii* [Collected Works] : in 6 vols. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ. Vol. 6: *Poisk istiny : stat’i, dialogi o literature, literaturnye portrety* [A Search for Truth : articles, dialogues about literature, literary portraits]. 415 p. (In Russ.).

Gromov, P. P. (1971) *O stile L’va Tolstogo: Stanovlenie dialektiki dusbi* [On the Style of Leo Tolstoy: The Development of the Dialectics of the Soul]. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ. 390 p. (In Russ.).

Kurliandskaia, G. B. (1988) *Nravstvennyi ideal geroev L. N. Tolstogo i F. M. Dostoevskogo*. [The Moral Ideal of the Characters of Leo N. Tolstoy and Fyodor M. Dostoevsky]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 256 p. (In Russ.).

Khrapchenko, M. B. (1965) *Lev Tolstoi kak khudozhnik* [Leo Tolstoy as a Painter]. 2nd edn. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ. 508 p. (In Russ.).

Chernyshevsky, N. G. (1981) *Literaturnaia kritika* [Literary Criticism] : in 2 vols. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ. Vol. 2: *Stat’i i retsenzii 1856–1862 godov* [Articles and Reviews of 1856–1862]. 367 p. (In Russ.).

Submission date: 13.02.2014.

Шацкий Евгений Олегович — кандидат филологических наук, докторант кафедры русской и зарубежной литературы Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Адрес: 109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18. Тел.: +7 (495) 672-04-90. Эл. адрес: evgole@yahoo.com

Shatskiy Eugene Olegovich, Candidate of Science (philology), doctoral candidate of the Russian and Foreign Literature Department, Sholokhov Moscow State University for the Humanities. Postal address: 16–18 Verkhnyaya Radishchevskaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 672-04-90. E-mail: evgole@yahoo.com